

чистым продуктом коллектива, не объясняя, каким же образом происходит этот процесс творчества у коллектива.

Вопросу о «принятии» произведения коллективом П. Г. Богатырев придает исключительно важное значение. Он пишет: «С функциональной точки зрения, без которой невозможно понимание фактов искусства, поэтическое произведение вне фольклора и то же произведение, усвоенное фольклором, являются двумя совершенно различными фактами» (стр. 377). Такая постановка вопроса позволила П. Г. Богатыреву по-новому разграничивать общественное место фольклора и литературы. «Наличие устного поэтического творчества (и соответственно литературы) может быть объяснено не только психологически, но в значительной степени и функционально. Сравним, например, одновременное сосуществование устного поэтического творчества и письменности в одних и тех же русских образованных кругах XVI и XVII веков: письменность выполняла там одни культурные задачи, устное творчество — другие» (стр. 380). Все дело, следовательно, в задачах и в действии, в выполняемых функциях.

Функциональный подход (так назвал его сам П. Г. Богатырев) разрешил автору по-новому подойти и к вопросу о роли импровизации и традиционных моментов в фольклоре. П. Г. Богатырев предложил различать импровизации «принудительные» и «преднамеренные», подготовленные и неподготовленные, он выдвинул проблему продуктивных и непродуктивных этнографических фактов, стал строго различать магические действия и обряды. Тот же подход позволил изучать функции народного костюма, функции отдельных художественных средств (например, лейтмотивов в былинах, оксюморона в юмористическом ярмарочном фольклоре) и т. д.

Изучение этих функций дало П. Г. Богатыреву возможность не только расширить наши представления о народном творчестве, о его специфике, отличиях от литературы, но понять и социальное значение фольклора во всех его видах — как материальных, так и духовных. Функциональный подход особенно важен в фольклоре, где он больше всего применим, но он позволяет многое по-новому понять и в литературе — особенно в средневековой, которая во многих отношениях близка к фольклору. Средневековая литература сходна с фольклором прежде всего потому, что в ней приблизительно то же соотношение индивидуального начала и коллективного. В ней притуплено чувство авторской собственности. Произведение изменяется при переписывании, как фольклорное произведение в процессе его исполнения. Оно «усыновляется» традицией или может вовсе исчезнуть в переписке. Различие только в том, что коллективное начало в фольклоре более определенно выражено, чем в средневековой литературе.

Приведу еще несколько примеров того, как наблюдения П. Г. Богатырева над народным искусством могут обогатить и наши представления о древней русской литературе.

В статье «Традиция и импровизация в народном творчестве» П. Г. Богатырев превосходно показал диалектическое единство той и другой. Традиция и импровизация не только не исключают друг друга, но взаимообусловлены. Импровизация совершается в рамках традиции, облегчается традицией, а традиция проявляется через импровизацию. Импровизация составляет форму проявления традиции.

Нечто аналогичное мы имеем и в древнерусской литературе, где этикетные формулы и традиционность облегчают творчество, способствуют появлению новых произведений и вариативности старых. Сам П. Г. Богатырев хорошо показывает роль импровизации писцов на примере многочисленных списков «Повести о Фоме и Ереме» (стр. 401—421).

Необходимость изучения функции того или иного художественного приема привела П. Г. Богатырева к изучению площадного фольклора народных гуляний в его живом исполнении, последовательно восстанавливаемого им на основании самых разнообразных свидетельств. Эта конкретная обстановка позволяет много понять и в русских сатирических и юмористических произведениях XVII в., дошедших до нас в рукописях далеко не полностью.

Очень большой интерес имеют мысли и наблюдения П. Г. Богатырева о переходе магического действия в обряд с эстетической доминантой. Его заключения могут быть расширены наблюдениями над аналогичным процессом в древнерусской литературе, где церковные и «деловые» жанры постепенно переходят в чисто литературные с ярко выраженной литературно-общественной, художественной доминантой.

П. Г. Богатырев отнюдь не абсолютизирует процесса перехода магического действия в обряд, специально останавливаясь на одном прямо противоположном явлении, в котором обрядовое значение сменяется магическим. Я имею в виду его интересную статью «Рождественская елка в Восточной Словакии» (стр. 387—392). Останавливаясь на том факте, что в восточнословацкой деревне рождественская елка имела первоначально только эстетическую функцию, а затем приняла и магическую, П. Г. Богатырев так это поясняет: «Такой переход я объясняю тем, что этот обычай, попав в другую среду с другой структурой обрядовых действий, занимает в ней такое место, которое отвечает требованиям этой структуры» (стр. 390). Отсюда принципиально важное положение: ни один процесс не совершается в изолированной группе явлений: в одном жанре, одном обычае и пр. Процессы происходят в обществе, связаны с культурной структурой